

Да и въ денежномъ отношеніи—лучше отказать себѣ въ удовольствіяхъ, чѣмъ отрывать то то, то другое отъ семьи.

Было въ дѣятельности моего родителя одно занятіе, которое болѣе или менѣе могло вызвать недовольство по отношенію къ нему духовенства города Курска, это именно *цензорство*. Считаю долгомъ сказать о немъ и по поводу его.

Цензоромъ мой отецъ былъ два раза. Первый разъ съ 1850 по 1866 й годъ. Въ это время онъ цензировалъ рѣчи законоучителей уѣздныхъ училищъ Курской губерніи, а иногда и учителей ихъ, *) предназначенныя къ произнесенію на торжественныхъ актахъ этихъ учебныхъ заведеній. Цензура его была, скажемъ прямо, строгая: многое онъ вычеркивалъ, передѣлывалъ, измѣнялъ, а нерѣдко писалъ, что рѣчь дозволена къ произнесенію быть не можетъ. Многіе законоучители были очень недовольны строгостью (какъ имъ казалось) цензора, иные жаловались на это директору училищъ Д. Г. Жаворонкову, который вступалъ съ нимъ въ объясненія, послѣ которыхъ, повидимому, склонялся на цензорскую сторону.

Въ 1882 году, послѣ смерти цензора о. протоіерея Н. И. Булгакова, Преосвященный Ефремъ назначилъ цензоромъ проповѣдей о. Алексѣя. Неохотно онъ взялъ на себя это дѣло, тяготился имъ, много разъ просилъ у Архипастырей освобожденія отъ цензуры; но не успѣлъ въ этомъ и исполнялъ ее, до самой болѣзни, сведшей его въ могилу. Даже въ 1901 году, когда ему было уже 84 года и онъ снова подалъ прошеніе объ освобожденіи отъ цензуры проповѣдей, то получилъ изъ духовной Консисторіи указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „На прошеніи заштатнаго протоіерея Николаевской церкви, что при мужской гимназіи г Курска, Алексѣя Танкова, объ увольненіи его отъ возложенныхъ на него обязанностей: цензора по городу Кур-

*) Рѣчи учителей приходилось цензуровать въ томъ случаѣ, если въ нихъ затрогивались религіозные вопросы или предметы.